

Александр ПРОХАНОВ

ТОЧКА МГЛЫ

В истории стран и народов бывают мгновения, когда на них спускается мгла. Иссыкает божественный источник, питающий народ, исчезает мечта. Народ погружён в неверие, уныние, ожидает неминуемой смерти. Множатся скептики, ворчуны, маловеры, множатся предатели и изменники. Над страной сгущается мгла. И тогда появляются герои. Они совершают подвиги, они умирают мученической смертью, они говорят своему народу, что он бессмертен, что точка мглы преодолима и божественная, питающая народ мечта неодолима.

Когда у народа исчезают герои, перестают совершаться подвиги, народ исчезает, государство падает и разрушается. Эллада пала, когда в ней перестали совершаться подвиги. Рим пал, когда отважный, дерзновенный римлянин превратился в сибарита, погрязшего в оргиях и зрелищах. Советский Союз пал, отравленный перестройкой, когда в нём перестали совершаться подвиги. Герой в момент своей смерти соединяется с океаном бессмертия и питает народ этим бессмертием. Смерть героя питает бессмертием народ. Герой — это ковш, который черпает бессмертие и окропляет им народ.

Отрок Евгений Родионов во время Первой чеченской войны попал в плен к изуверам, и те обещали ему жизнь, если он отречётся от России, от армии, от православной церкви. Евгений выбрал Россию, армию и православную церковь. И ему отсекли голову. Унывающий народ, который утратил своё великое государство, потерял великих вождей, отчаялся, не верил в величие, погрузился в мглу, вдруг озарился этим жертвенным подвигом. Понял, что есть в мире ценности выше отдельно взятой человеческой жизни. Это Родина, вера, служение. Государство Российское устояло. Оно родилось из отсечённой головы Евгения Родионова. Поэтому народ стал возводить ему алтари, писать его иконы, сделал его народным святым.

Когда утонула подводная лодка "Курск", народ возрыдал, ибо с погибшим "Курском" погибла мечта о могуществе и красоте, о рае земном. И когда отсеки лодки заливая ледяная солёная вода и переставали стучать ключами по корпусу лодки, взывая о помощи, тогда в этом чёрном, страшном рассоле был совершён подвиг. Капитан-лейтенант Дмитрий Колесников написал записку: "Отчаиваться не надо", — адресуя её своим милым и близким, своим сослуживцам по флоту, своим согражданам, всей измученной России. И народ внял этой предсмертной записке, этой божественной заповеди. Он не отчаялся, он стал

строить новые лодки, ещё могущественнее и прекраснее. Он стал строить своё государство, продолжив свою историю.

В Дагестане, где процветало беззаконие, уворовывались народные миллиарды, в горах шныряли банды террористов, убивали полицейских, взрывали на дорогах машины, попавший в плен к террористам молодой полицейский Магомед Нурбагандов под дулом пистолета проклял захвативших его в плен бандитов и воскликнул, обращаясь к товарищам: "Работайте, братья!".

Смерть героя рассказала людям, что есть высшая правда, честь, служение, а злая корысть, беспощадная ненависть преодолими.

Суровые дни донбасской войны. Долгожданная победа не наступала. Шли сражения за каждый бугорок, за каждую малую рытвинку. Против России ополчились вся жуткая Европа, вся циничная, беспощадная Америка. Русская казна считала копейки, русскую нефть не пускали на рынки, красу и гордость русского углеводородной цивилизации — "Северные потоки" — взорвали. Множество предателей и беглецов покинули Россию, объединились за кордоном в ненавидящую, тлетворную стаю, поносили Россию, сулили ей конец и поражение. Тогда случился мистический подвиг Дарьи Дугиной. Чудесная светоносная девушка заслонила своей хрупкой жизнью мудреца-отца, всю воюющую русскую армию, весь пребывающий в тяготах и лишениях русский народ. Взрыв, который унёс её жизнь, не сгубил Россию, а пробил путь к донным ключам истории, и они оросили народ.

Святые — не только те, чьи лики сияют на иконах, окружённые золотыми нимбами. Святые — это безвестные герои, которые совершают свои бесмертные подвиги в час народной беды, сдвигают народную историю с мёртвой точки, с точки мглы, продлевают её движение к бессмертию.

Русский художник, ты в великом долгу перед Родиной. Твоя кисть по сей день не нарисовала картину, подобную той, что создал Дейнека и назвал её "Оборона Севастополя". Твоё перо не написало поэмы, подобной "Василию Тёркину", поэмы, которую сотворил Твардовский среди грохочущих пушек.

Каждая "Золотая Звезда", прикреплённая президентом к груди фронтовика, — это подвиг, который ждёт своего описания. И время героев требует поэмы героев, романа героев, симфонии героев.

Точка мглы, когда у народа появляется герой, превращается в ослепительный свет.

АЛЕКСАНДРУ ПРОХАНОВУ – 88!

Мне снятся сны окаменелых баб.
В пустых глазницах синие рассветы.
Я вижу след окаменелых лап
И слышу стук окаменелых веток.

Ты далеко, где синева тумана.
Ты ждешь меня. Меня всё нет и нет.
Я притаился в глубине кургана
Среди старинных слитков и монет.

Мы шли с полками туркестанской степью.
Я помню командиров имена.
Мне губы обжигал солёный пепел.
Впивались в грудь колючек семена.

Мы отражались в чёрных зеркалах.
В ночном стекле тонули наши лица.
Проснулись пули в дремлющих стволах.
Моей судьбы забытые страницы.

Я помню давний бой на Рио Коко.
В атаку шла усталая пехота.
На облако, воздетое высоко,
Легла лучей последних позолота.

Мы пробивались сельвой к Рио Ваве,
Вели бои за броды и мосты.
О этих дней померкнувшая слава!
О сгнившие могильные кресты!

Река в цветах и небо голубое.
Тяжёлый колыт и полный магазин.
Втроём мы пили пиво перед боем.
Из сельвы возвратились я один.

То было и забыто, и далёко.
Казалась жизнь понятной и простой.

Штурмовики взлетали из Моздока
И уходили с рёвом на Шатой.

Мы прорвались к горящему Шатоу.
Я жизнью не играл и смерти не искал.
Простой имперский крест с серебряной каймой
Мне прикрепил на грудь усталый генерал.

Сначала мать меня кормила грудью.
Потом снаряды рвали кишлаки.
Истёкшей жизни злое многолюдье
И тихий сон у медленной реки.

Он был сражён безжалостной рукой,
Всадившей пулю метко и жестоко.
И был подхвачен белою рекой,
В которой нет ни устья, ни истока.

Вы без меня танцуйте и пируйте.
Друзья ушли. Остался я один.
И некому поведать, как в Бейруте
Кричал на площади унылый муэдзин.

Очнись от сумрачного бреда,
Восстань из призрачного сна,
Моя прощальная победа,
Моя последняя весна.

Весь этот опыт с кровью и слезами
Я никому на свете не отдам.
Я смерть встречал с открытыми глазами,
Закрыв глаза убитым городам.

Я был солдат. Я погибал в сраженьях.
Моих утрат не взвесит на весах.
Я потерпел земное поражение,
Но одержал победу в небесах.

РУССКИЙ КОВЧЕГ

Проханов Александр. Милый танк. — Москва : АСТ, 2025. — 640 с.

Есть книги, в которых время рассказывает о себе через события. "Милый танк" устроен иначе: в нём осязимо само вещество эпохи — её тяжесть, её скрытая энергия, её потребность в очертании. В начале — машина. Танк, вобравший в себя память войны и государства. И вдруг он оказывается в галерее, собранный из бересты, сена, шпешек — из леса, из живого вещества. Лес принимает форму брони. Живое входит в очертания оружия. В этом соединении происходит едва заметное смещение: сила получает форму и вместе с ней — возможность иного движения.

Главный герой романа, дизайнер Ядринцев, живёт убеждением, что материя способна слышать. Для него чертёж — не технический расчёт, а текст, сродни священному письму, где знаки и пропорции складываются в смысл, как строки молитвы. Машина требует дыхания, и он ищет его в человеческом присутствии. Балерина у борта атомного ледокола — жест, в

котором проявлена вера: огромная мощь, заключённая в стали, меняется от прикосновения с живым. Ледокол и танк, как и само государство, предстают здесь как энергия, ожидающая линии, способной задать направление. В этом взгляде на машину угадывается древняя интуиция: материя способна откликнуться на смысл.

Проханов наделяет вещи памятью. Отец Ядринцева держит над столом руку, некогда коснувшуюся горячей чешуи "Бурана", — и смотрит на ладонь с благоговением, словно это мощи чудотворца, касавшегося великой святости. В этом жесте удерживается целая цивилизация — её взлёт и её обрыв. Балерина танцует с закрытыми глазами, и пространство вокруг неё наполняется присутствием, которое трудно назвать, но невозможно не почувствовать. Материя в романе хранит больше, чем человек, и потому прикосновение художника к ней становится действием исторического масштаба. Ядром с Ядринцевым действует иной мастер образа — галерейный маг, эстет, поставивший свой дар на службу разрушению. Он умеет собирать людей в общее переживание, чувствует напряжение формы, знает силу сцены.

Их различает не дар, а способ его проживания. Одна и та

же художественная энергия способна собирать народ в образ и превращать его в управляемое зрелище. Эта граница проходит через внутренний выбор.

Создавая рок-оперу, устраивая мистерию на танковом заводе, собирая людей в единый образ, Ядринцев оказывается внутри вопроса, от которого невозможно уклониться — и мы вместе с ним. Где проходит линия между преображением и управлением? Где образ становится дыханием истории, а где — её конструкцией? "Милый танк" читается как опыт внутреннего суда над художественной властью.

Так частная история расширяется до масштаба страны. Эпоха словно перемещается в мастерскую образов. Там складывается направление времени, там вычерчиваются контуры будущего. Россия в романе напоминает ледокол — мощный, холодный, ожидающий линии, которая задаст движение. Машины и стране требуется смысл, чтобы обрести курс.

В финале война входит в мир героя тихим светом экрана. Ледокол идёт вперёд, раздвигая лёд. Сталь встречается с живым очертанием — и будущее рождается в пространстве образов.

Роман МАКСИМОВ

ДОНАЛЬД И СУЕТА

О дипломатии разбитых корыт

персональной соцсети, а также позвонив с критикой на один из обсуждавших тему телеканалов под вымышленным именем Джон Бэррон (судя по всему, это действительно был он), обложив все страны ещё десятью... нет, пятнадцатью процентами пошлин на ввоз в США.

Несмотря на то, что подобные выходы ещё с прошлой весны полны уловок вроде исключений для крупного бизнеса, для друзей и родственников президента, а также для критически важных экономике

сфер, шаг такого рода всё же привычно напряг очень многих. Например, Индию, чьи представители долго и нудно договаривались с американцами об условиях продолжения закупок российской нефти — несмотря на то, что Белый дом и примкнувшие к нему СМИ уже раз двенадцать докладывали про "последнее прощание" "страны карри" с нефтью из "страны блинов", всякий раз поставки сначала подтверждались индийской стороной, а потом продолжались и даже наращи-

вались. Так вот, индийцы на выходку с увеличением глобальной пошлин отреагировали резко, отложив запланированный на 23 февраля визит своей делегации в Вашингтон. Визит был приурочен как раз к заключению соглашения о тарифной ставке в 18% — той самой, что после приступа обиды американским президентом за один вечер была превращена в 33%. Вскоре после этого обиделись и европейцы (заключавшие с Трампом аналогичную сделку, но ни дня не соблюдавшие её условия), а также австралийцы с японцами, которых новые проценты тоже ввели в ступор после долгих переговоров о торговле сделок.

В завершение сюжета с тарифами: Трамп — которого больно стукнули за злоупотребление обходящим Конгресс механиз-

мом президентского чрезвычайного указа (в чём он сам активно обвинял Обаму ещё десять лет назад) — ввёл режим чрезвычайной ситуации в Вашингтоне. Напомним, что введение тарифов в апреле было формально сопряжено с точно такой же чрезвычайной ситуацией, а объявление пошлинной войны всему миру медийно было обставлено как объявление настоящей войны с сюжетом "наших бьют". На сей раз, однако, ситуация была вызвана тем, что в рамках программы по украинизации западных стран (вспомните бандеровский лозунг "Всё будет Украина") американская столица переняла лучшие практики столицы украинской и решила утонуть в отходах.

Окончание статьи Илья ТИТОВА — на стр. 2

табло:

● Эксперты СБД называют действия Венгрии и Словакии (блокировка уже выделенных Украине кредитов Евросоюза и отказ от поставок в "незалежную" электроэнергетики и нефтепродуктов) ответом этих государств на энергетический шантаж, осуществляемый по указке Брюсселя руками киевского режима, перекрывшего с конца января поставки

нефти по нефтепроводу "Дружба" в страны, отвергающие магистральную линию ЕС...

● Согласно оценкам, циркулирующим в околодипломатических кругах российской столицы, выдвинутый заместителем председателя Еврокомиссии Каей Каллас "единый список" требований по урегулированию украинского конфликта абсолютно неприемлем для России и фактически выводит "коалицию желающих" за рамки мирного переговорного процесса...

● Возобновление "студенческих" антиправительственных протестов и создание объединения курдских политических организаций, целью которого заявлена ликвидация "режима аятолл", являются частью информационной подготовки ударов американо-израильского альянса по Ирану, призванной сымитировать их поддержку внутри страны, такая информация поступила из Тегерана...

● Наши шанхайские корреспонденты утверждают, что планы США по милитаризации космического

пространства в рамках проекта "Золотой купол", являющегося "ремейком" рейгановского плана "звёздных войн", не будут иметь реального военного значения и купированы современными технологическими возможностями, имеющимися у других ведущих космических держав, таких как Китай и Россия...

● Из Лондона передают, что демонстративное задержание Эндрю Маунтбеттена-Виндзора, бывшего принца Эндрю, герцога Йоркского и младшего брата действующего главы Соеди-

нённого королевства Карла III, в день его 66-летия по подозрению в злоупотреблении служебным положением и связях с финансистом Джефффри Эпштейном служит попыткой династии Виндзоров отстроиться от скандала, отказавшись от одной "паршивой овцы" в целях сохранения "всего стада" и избежать передела "Британской империи офшоров", созданной в правление королевы Елизаветы II...

АГЕНТУРНЫЕ ДОНЕСЕНИЯ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ "ДЕНЬ"